

Георгий Васюточкин

Сбываются ли предсказания А. И. Солженицына?

Уже немало лет жил я с невесёлым одиноким чувством, что в тяжком знании забежал от соотечественников вперёд, и нет нам кратких путей объяснения.

«Угодило зёрнышко промеж двух жерновов»

I

Солженицын последнего двадцатилетия — после завершения им «Красного колеса» — страстный публицист, откликнувшийся на самые злободневные события современной политики — приватизацию и войну в Чечне, рыночно-либеральный экономический курс России и функционирование демократических институтов западного образца — ещё остаётся живейшим участником политических дискуссий о ближайшем будущем человечества и России в XXI веке. Но справедливость его взглядов, высказанных им ещё до возвращения в Россию, уже проходит проверку прошедшими десятилетиями. Моя задача — на оселке событий последнего времени оценить состоятельность его предсказаний из — становящегося уж столь далёким — прошлого — 70—80-х годов XX столетия. Поэтому материал для анализа составляют всего две брошюры — «Письмо вождям Советского Союза», дати-

рованное 5 сентября 1973 года, и — «Как нам обустроить Россию?», почти одновременно опубликованную «Комсомольской Правдой» и «Литературной Газетой» 17 и 18 сентября 1990 года.

В «Письме вождям Советского Союза» Солженицын предостерегал советских вождей: а) от следования гибельным курсом марксистско-ленинского «учения»; б) от недооценки возвышающейся восточной угрозы — набирающего силы Китая; в) от принятия доктрины «экономического роста», по которой живёт «демократический» Запад. Письмо это взвешивало внешние для России угрозы. Посильные же раздумья о том, «Как нам обустроить Россию», посвящались нашему внутреннему устройству — организации жизни на пространстве посткоммунистического СССР, предсказанию неизбежного и анализу открывающихся перед страной перспектив свободного развития.

«Письмо вождям Советского Союза», имевшее хождение лишь в диссидентских кругах, не могло, по известным причинам, иметь общественного отклика. Зато опубликованная 27-миллионным тиражом в СССР брошюра «Как нам обустроить Россию?» в первые же недели подверглась обсуждению в писательских клубах и союзах СССР; откликнулся на неё и М. С. Горбачёв. «Низовые» голоса тогда ещё не принимались во внимание — редакциям и «Комсомолки», и «Литературной Газеты» поступило указание не печатать на своих полосах тысячи хлынувших в редакции «откликов с мест». Всенародного обсуждения этой сверхактуальнейшей, можно сказать, программной работы писателя не произошло.

II

Сегодня проблемы, поднимавшиеся 20—40 лет назад Солженицыным, остаются на повестке дня. Они лишь ещё более выпукло оформились — как в вопросах внешней ориентации страны в эпоху глобализма, так и её внутреннего обустройства. 20 лет назад Россия перестала участвовать в определении миропорядка на планете, чем занимался СССР на протяжении полувека.

Размышлениями о ближайшем будущем СССР Солженицын спешил озаботить соотечественников — «как бы нам, вместо освобождения, не расплющить под его (коммунизма. — Г. В.) развалинами». В целом его «посильные соображения» были встречены — теми, кто получил доступ на страницы немногих центральных печатных изданий, в целом неприязненно (не говоря о злобном хоре уехавших на запад за социальными благами и взлфером «образованцах»). Вот несколько суждений учёных историков, философов, сценаристов, высказанных поздней осенью того давнего, 1990-го. Доктор философских наук Валентин Толстых: «Это интеллектуальный вызов всей нашей перестроечной идеологии» [1], — а ведь эта идеология выражалась двумя словами — «больше социализма!» Другой доктор философии — Борис Межуев удивлялся: «Он видит спасение России в возвращении к её национальным корням и истокам». [1] Издатель Павел Греков: «Соображения Солженицына не стыкуются с реальной жизнью. Возьмите... рассуждение о том, что Россия должна разделиться. Почему?» [1] Это было сказано 12 ноября 1990 года, когда ещё существовал СССР, но критик Солженицына «не заметил», что месяцем раньше, 11 октября, была принята Декларация о... государственном суверенитете республики Башкортостан [2] — автономные республики РСФСР начали своё бегство из Федерации за полгода до ухода из СССР Союзных республик!.. Ещё один доктор философии — Валерий Подорога получал: «Проект, который мы обсуждаем, лично меня ни к чему не побуждает. ГУЛАГ — вот наша проблема, а не обустройство России». [1] Кинорежиссёр Игорь Масленников: «Я с восторгом воспринял сочинение Солженицына. <...> Он, вероятно, отстал от жизни, но как гений чувствует, нюхом чувствует нашу беду, то, что мы уже развалились». [1] И — невыразитель-

ный отклик М. С. Горбачёва — живёт-де не в современном мире.

Но вот — свидетельство Н. Д. Солженицыной об «отсталости» писателя. «В конце 80-х мы в нашем вермонтском лесу жили новостями из России <...> А. И. подавлен: “Что ни день, открывается беда, горше вчерашней”. Задумал писать эту работу, читал для этого сотни страниц статей, отчётов, ежедневных тасвок». [3]

Столь же удивительно видеть и современные, с апломбом высказываемые в печати, суждения. Двадцать лет спустя, в сентябрьском номере «Литературной Газеты» вездеприсутственный литератор Александр Мелихов, чьи тексты выходят еженедельно во многих газетах и ежемесячно — во всех столичных журналах, заявляет: «Героическая судьба и масштаб личности Солженицына всё-таки затмили его ПОЛИТИЧЕСКУЮ НЕУДАЧУ» (выделено мною — Г. В.) С этим самовнушением и поныне живут наши нынешние всезнающие либерал-демократы — помню, как в декабре 2003 г. в Пушкинском Доме на солженицынских чтениях профессор-филолог И. Н. Сухих небрежно обронил — ну, о политических оценках Солженицына нечего и говорить, ведь ничто не оправдалось... Представитель молодого поколения писатель Сергей Шергунов нынче тоже становится в позу критика. В публикации «О России с любовью» [1], многократно клянясь в трепетном уважении к Солженицыну, он посмеивается над его «лирическими увещеваниями» и даже сравнивает их с «романтикой ранних большевиков». [1] Хотя — и не отказать Шергунову в правильности восприятия позиции Солженицына: «Его статья — “философское письмо”, где есть пламенная ярость к советскому и критика Запада за пошлость и имитационную демократию» (там же).

Доктор философских наук и публицист Александр Казин в сентябре нынешнего года в статье с остроумным названием «Был прав, и ошибался» подчёркивает: «Во многом оказался он прав, и, прежде всего в своих опасениях». А разве для политически мыслящего гражданина не главное — верный расчёт нежелательных последствий любых масштабных действий по переустройству настоящего? В разделе «А что есть Россия?» Солженицын бесстрашно определяет: «Надо чётко объявить: три прибалтийских республики, три закавказские республики, четыре среднеазиатских да и Молдавия, эти одиннадцать — да! Непременно и бесповоротно будут отделены». Так и случилось, причём первыми из Союза ССР ушли прибалты и Грузия. — «Только и останется, — писал Солженицын, — то, что можно назвать Русь <...> И вот тут-то можно и надо приложить все силы разумности и сердечности, чтоб утвердить плодотворную содружность наций». Этот политический совет, к счастью, был услышан российскими властями — ведь и в составе Российской Федерации о суверенитете почти мгновенно заявили Башкортостан, Татарстан, Тува... Только разработка и срочное подписание в марте 1992 г. компромиссного Федеративного Договора спасло РФ от участи СССР (а возможно — и Югославии).

«Пещерный националист» Солженицын выдвигает ещё один безошибочный тезис. Русский, именно русский народ повинен в том, что «наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года», «и с тех пор мы до жалкости — не прежние» <...> «Наши деды и отцы, “втыкая штыки в землю” во время смертной войны, дезертируя, чтобы пограбить соседей у себя дома, — уже тогда сделали выбор за нас — пока, на одно столетие, а то, смотри, и на два». И «надо, — итожит Солженицын, — перестать холуйски повторять: “мы гордимся, что мы русские!” Махровый национализм неприемлем при выборе будущего России в такой же мере, как и слепое схождение на рельсы “имитационной демократии”».

И далее — целый перечень наиточнейших рекомендаций в «Слове к малым народам и народностям». Вот лишь немногие: «Для некоторых, даже и крупных наций... почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, вкруговую охваченному другим». Напрямую сказано о Татарстане. Другая: «Крымским татарам, разумеется, надо открыть полный возврат в Крым» (что и случилось). «Но при плотности населения XXI века Крым вместителен для 8—10 миллионов населения, и стотысячный татарский народ НЕ может себе требовать владения им». А у вернувшихся татар такие помыслы были и остаются...

Предвидел Солженицын и то, что не виделось никому тогда: распад Грузии. «Так нетерпеливо жаждет национальной независимости Грузия». (Это ещё при Гамсахурдиа. — Г. В.) А после: «Притеснение абхазцев, притеснение осетин и недопуск на исконную Родину месхов — неужели это и есть желанная национальная свобода?» Многие ли задумывались тогда о возможном выделении из состава Грузии Южной Осетии и Абхазии?.. За 18 лет предчувствовал конечный результат!.. Это всё — в первой половине брошюры, заглядывание «В ближайшее». А вот вторая — «Подальше вперёд». «Выбирая демократию — надо отчётливо понимать, что мы выбираем и за какую цену». И непреходяще важной стала глава «Что есть демократия и что не есть». Солженицын напомнил, что к вторичным, необязательным признакам демократии относятся парламентский строй и всеобщее избирательное право. Нынче у нас есть и Парламент (Федеральное Собрание), и всеобщее право выбирать, но что даёт формальное следование этим принципам, если сегодня неудобные партии и кандидаты выдавливаются из бюллетеней под разными предложениями; в общероссийском масштабе на выборах 2007 года — партия «Яблоко», в регионах — наиболее одиозные для «Единой России» инопартийные оппоненты. Рассматривая «способы голосования», Солженицын подвергает уничтожающей критике как раз «пропорциональную систему» по партийным спискам. Её считали за наилучшую и кадеты, и Ленин — вот и сегодня выборы происходят сугубо по партийным спискам. Результат известен — власть в руках «бронзовеющей» — по выражению Президента Д. А. Медведева — псевдопартии «Единая Россия». Солженицын к месту приводит высказывание Троцкого. «Что такое партия? Это груп-

па людей, которая добивается власти, чтобы иметь возможность выполнить свою программу. Партия, которая не хочет власти, не достойна называться партией». Не выработка оптимальных путей развития государства, а захват власти — вот главное в консолидации группы политиков в партии.

Особо ожесточённой критике подвергались (и подвергаются) альтернативные рецепты возвращения российской государственности, собранные в главе «демократия малых пространств». Все недостатки западной демократии перестают играть определяющую роль в пределах небольшого города, посёлка, волости, района, где «все знают всех» и где ложные репутации заезжих ораторов не скажутся в ходе выборов в органы власти. «Это, — пишет Солженицын, — именно такой объём, в каком может начать расти, укрепляться и сознать себя новая российская демократия». Непосредственная демократия — реальная основа местного самоуправления. Одна из его форм — земство, и этот путь низовой самоорганизации до сих пор не оказался сколько-нибудь востребован в ходе государственного строительства посткоммунистической России. «Малые образования» до сих пор влачат довольно эфемерное существование. На уровне «малых пространств» не оставалось собственности, которой «земский мир» мог бы хозяйственно распоряжаться; в царской России даже бедняки-крестьяне имели живность: лошадь, домашний скот, луга для его выгона. Ещё при Хрущёве вышел запрет на обладание домашней живностью, неучтённых коров припрятывали в сараях под замком. Малые пространства иного типа — «моногорода», которых на сегодня остаётся более 130-ти, суть поселения, образованные для решения узких промышленных, чаще всего оборонного характера, задач, и там имущество сугубо государственное. Власть сегодня особенно озабочена судьбами этих искусственно образованных под промышленное предприятие образований... Бюджет нынешних муниципальных образований — более чем на две трети — средства, передаваемые сверху региональной администрацией. Экономическая основа возрождения земств сегодня фактически отсутствует.

В чём ещё Солженицын оказался прав совершенно — это в определении отношений подчинения на высшем уровне центральной власти. Во время перестройки многим за образец высшего органа власти виделась Государственная Дума с реализацией принципа разделения властей, высказанного ещё кадетом В. Д. Набоковым: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной», и многие ведущие демократы конца века насмерть стояли за «парламентскую республику» (вспомнить хотя бы призыв А. Д. Сахарова законодательно реализовать принцип «Вся власть Съезду» народных депутатов). Солженицын стоял за Президентскую республику. Буквально он писал: «Президент назначает совет министров по своему усмотрению, предпочтительней — из специалистов, принятых на основании конкурса; нежелательно — из членов законодательных палат. Министры отчитываются как перед Президентом, так и перед обеими

палатами, но ими не могут быть смещены». Ельцин реализовал эту рекомендацию почти буквально. Далее, ссылаясь на правоведа В. В. Леонтовича, Солженицын даёт замечательное разъяснение функций двух исполнительных органов — правительства и администрации. «Правительство отличается от администрации (бюрократии) тем, что решает новые задачи, а администрация — старые, устоявшиеся». Вскоре такое разделение оказалось реализовано и на региональном уровне; и у нас, в Петербурге, существуют и действуют как администрация губернатора, так и Правительство Санкт-Петербурга.

В заключительной части работы Солженицын подытоживал: «Непосильно трудно составлять какую-либо стройную разработку вперёд: она, скорее всего, будет содержать больше ошибок, чем достоинств, и с трудом послевать за реальным ходом вещей». Видимо, те, кто и сегодня по-хамски отмахивается от высказанных 20 лет назад предостережений и рецептов, невнимательно пробежали брошюру «методом быстрого чтения».

И — после сказанного — добавим ещё: очевидно, те критики Солженицына, кто видит в нём «политического неудачника», имеют свой подсознательный стандарт «удачливого политика». Это, можно полагать, не тот, кто видит ясно варианты развития, вызовы и возможные ответы на них, но хватчиво пользуется ситуацией для достижения единственно важной для таких политиков цели — захвата власти (Ленин) и удержания её (Сталин) без всякого соотнесения с возможными затратами — материальными и людскими (гражданская война, голод, ГУЛАГ). Такие политики — анализировать не мастера: Ленин в конце 1916-го всерьёз думал о своей будущей жизни в качестве одиночки-литератора, не усматривая в самый канун февральской революции признаков, её предвещавших.

III

А теперь — о нашем ближнем будущем — из ранних семидесятых: о чем тревожился Солженицын в «Письме вождям Советского Союза» от 5.09.1973 г. (YMCA-PRESS, Париж).

В этом письме писатель решил высказать «свое понимание будущего <...> предложить на тот момент своевременный выход из главных опасностей, ждущих нашу страну в ближайшие 10—30 лет». «Эти опасности: война с Китаем и общая с Западной цивилизацией гибель в тесноте и смраде изгаженной Земли».

Говоря о будущих возможных вооружённых конфликтах, Солженицын уверенно исключал — уже тогда — вероятность применения ядерного оружия. «Всё его сверхнакопление бессмысленно, лишь тешит избретателей и генералов. <...> Оно никогда не пригодится, а к началу конфликта ещё и устареет». Прогноз пока оправдывается, а вот оценки ведущих государственных деятелей и военных на сегодня. В номере «Известий» от 15 октября 2010 г. напечатан материал за подписями Евгения Примакова, Игоря Иванова, Евгения Велихова и Михаила Моисеева (последний —

генерал армии, бывший начальник Генштаба и первый заместитель министра обороны СССР). Эти более чем сведущие государственные мужи утверждают: «Вероятность крупномасштабного вооружённого конфликта между великими державами и их союзниками в современных условиях глобализации и многополярности близка к нулю» и «ядерное сдерживание бессильно против новых угроз XXI века: распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, международного терроризма, этнических и религиозных конфликтов, трансграничной преступности и пр.»

Статья озаглавлена — «От ядерного сдерживания к общей безопасности», и не о том ли писал Солженицын в 1973 году: «ЭТА ВОЙНА ВООБЩЕ НЕ ДОЛЖНА СОСТОЯТЬСЯ! НЕ ставить задачу выиграть ту войну, ибо выиграть её никому не возможно, но — ИЗБЕЖАТЬ ЕЁ!» Учитывая, что противоборство Китая и СССР в конце 1960-х велось за главенство в мировом коммунистическом движении, Солженицын призывал: «Отдайте им эту идеологию! Пусть китайские вожди возгордятся этим короткое время».

Так и случилось, а летом 1989 года расстрелом на площади Тяньаньмынь в Пекине китайское — уже не маоистское — руководство взвалило на себя роль главного проводника коммунистической идеологии в современном мире. Вооружённого конфликта между нашими государствами не произошло. Но угрожает ли реально Китай России сегодня?

В России бытует мнение об угрозе ползучей демографической интервенции китайцев, иногда звучат опасения насчёт потери Россией Дальнего Востока. По имеющимся данным, сейчас китайцев в России — от 200 до 600 тысяч. [4] Для сравнения — численность постоянного населения одного лишь Калининского района Санкт-Петербурга — 460 тысяч человек.

Но... настольной книгой наиболее активной части населения КНР стала книга «Китай может сказать “нет”» с подзаголовком «Политический и эмоциональный выбор, стоящий перед нами в период после окончания холодной войны», написанная пятью авторами. Там, в частности, говорится: «В международных вопросах следует отстаивать справедливость, политике гегемонизма и грубой силы, проводимой США и другими западными государствами следует сказать “нет”». И ещё: «Китай должен следовать по социалистическому пути». В качестве достаточного называется ежегодный экономический рост ВВП в 8%, что оставляет в повестке дня для Китая первостепенный вопрос — об источниках энергии.

Только что появилась и другая книга — сборник статей, написанных другими пятью авторами — «Китай не испытывает радости», выдержавшая с марта прошлого года пять изданий. Это книга — о будущем Китая в наступившем XXI веке. Там куда больше конкретики. «Только рост производства есть основа развития государства». При внешне бьющих в глаза антиамериканизме сборника и местами — комплиментарных высказываниях по адресу Советского Союза и нынешней России главный вектор будущего — превращение Китая в лидера мирового сообщества. На по-

вестке дня — производство самолётов, осуществление космической программы, строительство ядерных подводных лодок, ракет и авианосцев. Один из авторов, Ван Сяодун, называет две исторических цели Китая: устранить в мире насилие, установить спокойствие, и — вторая — управлять большим количеством ресурсом, чем сегодня есть у Китая. А для этого — следует заключительный вывод — «мы должны руководить этим миром». И — следуя от деклараций к конкретике, авторы делают вывод: «НОАК так или иначе должна присутствовать там, где есть базовые экономические интересы Китая <...> Когда речь пойдёт о возможности голода для 1 миллиарда 300 миллионов человек, то следует забыть о высоких моральных принципах. <...> Китай, конечно, должен управлять в мире большими территориями, ресурсами. Я не говорю, — пишет автор, Ван Сяодун, — о присоединении территорий, а указываю лишь на руководство и управление. Я верю, что мы сможем лучше управлять, чем американцы и другие западные люди». [5] Что-то нам это напоминает, из арсенала тоталитарных идеологий XX века, не правда ли? И разве не точен взгляд А. И. из сорокалетнего прошлого: следить как за главным действующим лицом на мировой арене коммунистическим Китаем, «избравшим социалистический путь», всеми силами стараясь не допускать военного столкновения? Тут — ни убавить, ни прибавить.

IV

Наконец, о прогнозах относительно общей — нашей с Западом — перспективы — стать сообща жертвами нашей неумной страсти к поеданию планеты ради удовлетворения «всё возрастающих потребностей». Это звучало совершенно еретически в 1973-м, когда поздний капитализм в США и странах Европы функционировал на пике своих возможностей — именно на этом отрезке казалось, что окончательно утвердилась оптимальная экономическая модель, открывающая доступ едва ли не каждому в так называемый «средний класс» с воспринятым в качестве стандарта благоденствия набором предметов обладания (квартира, загородный коттедж, машина, «бонусы», счёт в банке). Да и в социалистическом СССР именно в эти годы на полную мощность забил сибирский нефтяной фонтан — кто не помнит «советского благоденствия 1967—1972 годов», когда мясо ещё было в городских магазинах (не только Москвы) и каждому инженеру средней руки была доступна летняя поездка в Коктебель, Прибалтику или в Закавказье... Ещё не начался исход из СССР в Израиль, а в Москву, Ленинград и Ростов наведалься оркестр великого Дюка Эллингтона. Советская технократическая «элита», группировавшаяся в ареале академика А. Д. Сахарова, возмечтала о конвергенции двух систем, и — как холодный неожиданный душ были восприняты слова А. И. Солженицына: «Весь “бесконечный прогресс” оказался безумным напряжением, нерасчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация “вечного прогресса” захлебнулась и находится при конце. И не “конвергенция” ждёт нас с западным ми-

ром, но — полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба — в тупике».

И далее — ещё кусок текста из «Письма вождям...», провидчески определяющий из дальних семидесятих незавидные перспективы цивилизованных стран, поставивших целью «максимальное удовлетворение всё возрастающих потребностей». Учитывая выводы «Римского клуба» и «Общества Тейяра-и-Шардена», Солженицын возглашал: «“Прогресс” должен перестать считаться желанной характеристикой общества. “Бесконечность прогресса” есть бредовая мифология. Должна осуществляться не “экономика постоянного развития”, но экономика постоянного уровня, стабильная. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НЕ ТОЛЬКО НЕ НУЖЕН, НО ГУБИТЕЛЕН. Надо ставить задачу не увеличения природных богатств, а лишь сохранения их. Надо срочно отказаться от современной технологии гигантизма — и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в расселении (нынешние города — раковые опухоли) <...> “Третий мир”, ещё не ставший на гибельный путь западной цивилизации, может быть спасён лишь “раздробленной технологией”, требующей не сокращения ручного труда, но увеличения его, техники самой простой и основанной только на местных материалах».

От этих строк, воспринимавшихся технократами конца XX века как мракобесие, захватывало дух и у верных единомышленников Солженицына. Но именно в провозглашении курса на неограниченный экономический рост были едины и капиталистический Запад, и коммунистический Советский Союз. В учебнике «Политическая экономия социализма» утверждалось: целью экономического развития СССР является максимальное удовлетворение всё возрастающих потребностей советского народа. Этот тезис даже кое-где преподносился в качестве основного закона социализма! Такая — трижды ложная — цель экономического прогресса сохраняет и сегодня свою железобетонную несокрушимость.

«Указанные группы учёных, — продолжал Солженицын, — провели компьютерные расчёты по разным вариантам экономического развития — и ВСЕ варианты оказались БЕЗНАДЁЖНЫ, предвещая катастрофическую гибель человечества между 2020 и 2070 годами, ЕСЛИ ОНО НЕ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА...<...> Даже если последующими разведками запасы (ресурсов — Г. В.) окажутся и вдвое и втрое больше известных ныне, и если *вдвое* увеличится производительность сельского хозяйства и подчинена будет человеку неограниченная ядерная энергия — ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ В ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XXI ВЕКА ДОЛЖНА НАСТУПИТЬ МАССОВАЯ ГИБЕЛЬ НАСЕЛЕНИЯ, — если не от остановки производства (конец ресурсов), то от избытка производства (гибель среды) — во всех случаях».

Идеологии неограниченного роста потребления (капитализм) или максимального удовлетворения всё возрастающих потребностей (советский социализм) равно непригодны в наше время, когда баланс между репродуктивными возможностями природы и расту-

щими аппетитами человечества оказался необратимо нарушен. Ещё Олдос Хаксли в своём романе «Контрапункт» устами одного из персонажей романа (Филипп Куорлз) говорил: «Инстинкт приобретения знает... больше извращений, чем половой инстинкт. Во всяком случае, страсть к деньгам принимает у людей более причудливые формы, чем даже любовь <...> Ни один человек не бывает непрерывно поглощён половой жизнью — очевидно, потому, что в половой жизни возможно физиологическое удовлетворение, а когда дело касается денег, оно невозможно. Когда тело насыщено, оно перестает думать о еде или женщинах. Но жажда денег — явление чисто психологическое. Здесь невозможно физиологическое удовлетворение. Это объясняет излишество и извращённость в вопросах приобретения.<...> Говоря об извращении, мы подразумеваем некоторую норму, от которой оно является отклонением. А какова норма в вопросах приобретения?» [6]

И вновь — Солженицын: «Нет, мы должны были протащиться всем западным буржуазно-промышленным и марксистским путём, чтобы в конце XX века узнать, опять-таки от передовых западных учёных, то, что искони понимал любой деревенский дед на Украине или в России и мог бы давно-давно растолковать передовым публицистам, если бы те в своем запале нашли бы время поконсультироваться с ним: что не может дюжина червей *бесконечно* изгрызть одно и то же яблоко, что если земной шар *ограничен*, то ограничены и его пространства, и его ресурсы, и не может на нём осуществляться *бесконечный, безграничный прогресс*, вдолбленный нам в голову мечтателями Просвещения».

В начале петровской модернизации в России насчитывалось 12 миллионов жителей — теперь — в 12 раз больше. Раньше и бояре, и петровские вельможи могли позволить себе тратить трудом заработанные деньги на свои прихоти — драгоценности, неписанный диктат моды, кутежи и карточные проигрыши, но численность этих «прожигателей жизни и состояния» была невелика — в процентах — не более одной тысячной %, т. е. из 12 миллионов — чуть более сотни. Сегодня российские миллионеры и миллиардеры — класс численностью под миллион душ. Пример бессмысленного растрачивания денег, отнятых — чаще всего у природы (углеводороды, лес, алмазы) — новое хобби наших «новых русских» и заморских финансовых королей — «красивые» номера на личных иномарках, — с тремя семерками или из одних единиц. «В Москве стоимость красивого номера может достигать до 10 тысяч долларов. <...> В 2007 году в Абу-Даби был куплен номер с единственной цифрой «5» за рекордную сумму в семь миллионов долларов» [7] Цены продолжают расти... А выезды иных олигархов в Куршевель со своими гаремами?.. Золотые унитаза в коттеджах Рублевки?..

Сегодня на Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций», прошедшем на о-ве Родос, критике подверглась не сама экономическая система, а порождающий её потребительский настрой граждан стран

«золотого миллиарда». Выступавшие говорили, что «консюмеризм, охвативший сегодня Западную Европу и Америку, и активно продвигающийся в Юго-Восточную Азию, грозит человечеству скорым и неизменным крахом». [8]

Экономический рост и непомерное возрастание потребительских appetitов вызывают беспокойство даже у таких верных защитников национальных интересов Америки, как бывший советник Президента США по госбезопасности Збигнев Бжезинский: «Американцы должны сознавать, что их стандарты потребления скоро придут в столкновение со всё более эгалитарными устремлениями. Так или иначе, но эксплуатация естественных ресурсов, непомерное потребление энергии, безразличие к глобальной экологии, как и непомерные размеры жилищ для состоятельных людей, пристрастие к самоудовлетворению и удовольствиям свидетельствуют о безразличии к лишениям, которые испытывает большинство людей мира. Попробуйте представить себе мир, в котором 2,5 миллиарда китайцев и индийцев потребляют на душу населения столько же энергии, сколько потребляют американцы». [9]

Вот лишь несколько конкретных сообщений, высвечивающих подлинную цену доктрины экономического роста. «Чтобы население всего мира могло жить так же, как американцы или канадцы, потребовалось бы... ещё два земных шара. А чтобы повысить во всем мире уровень жизни вдвое за ближайшие сорок лет, потребуется в целом двенадцать земных шаров». [10] Ещё несколько точных показателей «цены» экономического роста: «Чтобы произвести 1 литр апельсинового сока во Флориде, требуется 2 литра бензина и 1 000 литров воды» (там же, с. 84). «Чтобы обеспечить потребности одной среднестатистической американской семьи среднего класса, в течение года промышленность добывает, экстрагирует, перерабатывает, сжигает и сбрасывает почти 2 тысячи тонн материалов. В расчёте на одного человека — 500 тонн» (там же, с. 85). И ещё: «Количество отходов, возникающих при изготовлении полупроводникового микроципа, более чем в 100 000 раз превышает его вес; для портативного компьютера это соотношение близко к 4 000» (там же, с. 84).

О перспективе вскоре захлебнуться в собственных отбросах можно написать не одну книгу — сейчас лишь два бесспорных факта. Первый. «По данным программы по охране окружающей среды ООН на каждый квадратный километр Тихого океана приходится 13 тысяч пластиковых фрагментов». <...> Как известно, на земле нет микроорганизмов, которые разлагали бы пластик. <...> При сжигании пластика образуется один из самых опасных ядов.<...> На акватории Тихого океана между Гавайскими островами и Калифорнией в конце XX века было зафиксировано плавающее, напоминающее остров громадных размеров — под поверхностью воды — пятно, — огромное число кусочков и частиц пластика. Тут же — гниющие водоросли, трупы животных и птиц. Аналогичный «пластиковый суп» — в Атлантике, на берегу Саргассо-

ва моря. Пластик образует базис инфраструктуры современного общества потребления». [11]

Второй факт — нарастающее загрязнение природной среды нефтью и сопутствующими углеводородными смесями. «Начиная с 1975 года (а «Письмо вождам...» датировано сентябрём 1973-го! — Г. В.) в мире произошло около 60-ти серьёзных аварий на морских нефтеплатформах». [12] Катастрофа на нефтяной платформе в Мексиканском заливе 22 апреля минувшим летом, стоившая жизни двенадцати нефтяникам, обернулась экологическим бедствием — выбросом в воды залива сотен тысяч тонн нефти с последующим дрейфом нефтяного пятна к востоку вплоть до побережья Флориды и многомиллиардными долларовыми убытками компании British Petroleum. Экологический ущерб, нанесённый Атлантике, ещё подсчитывается. Симптоматично, что это случилось ровно через три недели после того, как Президент США Обама снял двадцатилетний запрет на бурение нефтяных скважин на шельфе у берегов Америки! Академик Николай Лаверов сразу же напомнил, что на Сахалинском шельфе, где ведётся добыча газа, сейсмическая опасность в разы выше, чем в Мексиканском заливе.

Ещё в самом начале мирового финансового кризиса, на пике «разогрева мировой экономики» был опубликован доклад WWF «Живая планета 2008», где говорилось: «Уже сейчас нужды человека на 30 процентов превышают возможности нашей планеты». За последние 35 лет (как раз — с 1973-го!) произошло тридцатипроцентное сокращение численности почти в пяти тысячах популяций животного мира. «Самыми «вредными» странами, согласно докладу, являются США, Китай и Индия, экологический след которых в среднем вдвое превышает биопотенциал» [13] Всё сходится: США и Китай — мировые лидеры по объёму ВВП.

Неограниченный экономический рост уже сказывается на климате планеты.

И нельзя не подивиться совпадению: в сентябре 1973-го одновременно с отсылкой им «Письма вождам Советского Союза» дан был сигнал на Запад — печатать «Архипелаг ГУЛАГ». Сокрушая и ускоряя гибель пагубнейшей из утопий — марксистско-ленинской идеологии, он (в те же дни!) запустил часы, отсчитывающие время несокрушимой на те годы и якобы на все времена годной — системы мирового капитализма.

1. Воодушевлены, разочарованы, смущены. Обсуждение статьи А. И. Солженицына в интеллектуальном клубе «Свободное слово» 12 ноября 1990 г. Литературная газета. 15—21.09.2010.

2. Виражи и миражи суверенитета. Литературная Газета. 6—12.10.2010.

3. Как мы обустроили Россию?//Российская газета. 17.09.2010.

4. Борис Подопригра. Китайское задание на дом// Санкт-Петербургские Ведомости. 26.11.2010.

5. Владилен Буров. «Патриотизм с китайским разрезом». Литературная Газета. 17—23.11.2010.

6. Олдос Хаксли. Контрапункт. М., 2002. С. 309.

7. Александра Пономарева. Три веселых цифры// Известия. 27.10.2010.

8. Иван Максимов. Родос показал: времени у «золотого миллиарда» почти не осталось//Невское время. 15.10.2010.

9. Збигнев Бжезинский. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2007. С. 198.

10. Поль Хокен, Эймори Ловинс, Хантер Ловинс. Естественный капитализм. М., 2002. С. 84.

11. Василий Голованов. Эпоха антропоцена//Дружба народов. 10, 2009.

12. Юлия Шестоперова. Бурите на здоровье//Известия, 14.10.2010.

13. Марина Грицюк. Кто съел Землю//Российская газета. 30.10.2008.